

УДК 159.9.07

СОВРЕМЕННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

© 2019 г. Ю. В. Быховец*, Н. Н. Казымова**

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, 13, Россия.

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях.

E-mail: bykhovets@yandex.ru

**Кандидат психологических наук, младший научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях.

E-mail: bakusevan@mail.ru

Поступила 07.04.2018

Аннотация. Проведен обзор отечественных эмпирических исследований, предметом которых являлось переживание террористической угрозы (ТУ). По результатам этих исследований показана взаимосвязь переживания ТУ с социально-демографическими (пол, возраст, регион проживания, профессиональный статус) и личностными особенностями индивидов. Описана концепция переживания террористической угрозы, разрабатываемая в лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ИП РАН. Обосновывается тезис о рассмотрении террористической угрозы как травматического стрессора для уязвимой части населения. Выявлена временная динамика переживания ТУ. В изучении этого конструкта наметилась тенденция смены исследовательских ориентиров с изучения уязвимости к изучению психологической устойчивости человека к данному стрессору.

Ключевые слова: переживание, террористическая угроза, воздействие информации, посттравматический стресс, стрессор, СМИ.

DOI: 10.31857/S020595920004542-2

Жизнь современного человека стала более динамичной и событийно насыщенной благодаря его включенности в мировое виртуальное пространство, предоставляющее много возможностей для развития человечества как на микроуровне (в сферах обучения, услуг, развлечений и пр.), так и на макроуровне (политика, экономика, социальная сфера). Обратной стороной повышения роли информации в современном обществе являются рост количества угроз и их качественные изменения. Действие угроз становится преимущественно информационным. Всеобщий доступ к информации позволяет быть включенным в мировые процессы за счет наблюдения за происходящим. Примерами могут служить ядерная угроза, угроза радиационного заражения, мировая экологическая ситуация, терроризм и т.д., достигнувшие глобальных масштабов благодаря всеобъемлющему освещению указанных проблем в СМИ. Быстрота и удобство получения новостей разного формата

(текстовые, фото-, аудио- и видеоматериалы, мнения экспертов, комментарии свидетелей) выдвинули новостные интернет-ресурсы на первое место среди всех источников информирования населения (телевидение, радио, печатные издания). В настоящее время повсеместное использование сети Интернет практически не оставляет возможности для пребывания в неведении относительно этих угроз.

Одним из наиболее актуальных направлений исследований остается изучение терроризма и его психологических последствий. При этом спектр предмета изучения этой проблемы достаточно широк: психологические и психиатрические последствия террористических актов у непосредственных жертв терактов и их близких [23; 28], переживание экстремистско-террористической угрозы (ТУ) [15], понимание и переживание ТУ людьми, отличающимися по половым, возрастным, профессиональным и личностным характеристикам [12; 13; 20; 22;

26], проблема влияния терроризма на межгрупповые отношения (ксенофобия) и анализ факторов, способствующих вовлечению граждан в террористическую деятельность [11], социальные представления о терроризме и террористах [2; 8; 9; 18; 27; 30], типология личности террористов [17; 25; 31], социально-психологический анализ проблемы терроризма и его последствий [21; 24].

Перечисленные выше темы показывают, что эмпирические психологические исследования проблемы терроризма разноплановы и относятся к разным уровням анализа проблемы. Одним из направлений работы лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ИП РАН является комплексное теоретико-эмпирическое изучение переживания ТУ и ее влияния на психическое здоровье населения. Разработка теоретической концепции сопровождается проведением эмпирических исследований о связи переживания ТУ с различными личностными и социально-демографическими характеристиками человека. На сегодняшний день сформулировано определение, эмпирически обоснована структура, показана временная динамика переживания угрозы терактов.

Целью настоящего информационно-аналитического обзора стало определение психологического содержания конструкта “переживание террористической угрозы”.

Задачи:

- 1) определение основных тенденций эмпирических исследований переживания ТУ;
- 2) оценка существующих методических приемов и результатов исследования переживания ТУ;
- 3) определение перспективы психологических исследований переживания ТУ.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ УГРОЗА КАК ИНТЕНСИВНЫЙ СТРЕССОР

Террористические акты следует отдельно выделить среди информационных угроз современности. Этот вид антропогенной угрозы отличается своим масштабом и характером проявлений и относится к стрессорам высокой интенсивности [26], характеризующимся переживанием страха, ужаса и беспомощности. Кроме того, отмечается, что невозможность предупредить теракт сближает действие этой угрозы с природными стихийным бедствиями [32]. Переживание ТУ осознается как личная уязвимость перед терактом, усугубляемая осознанием непредсказуемости момента его наступления [26].

Отмечается усиление антропоцентричного характера современного терроризма: так, в 1970-е гг. 80% терактов было направлено против собственности и только 20% — против людей; в 1980-е годы, соответственно, — 50 и 50%; в 1990-е годы соотношение составило уже 30 и 70% [11]. Согласно нашим данным, среди основных угроз, имеющих антропогенное происхождение, наиболее часто указываются именно террористические акты [4].

Изучение оценок восприятия риска ТУ в массовом сознании показало, что отношение к вероятности ТУ сопоставимо с рисками отравления вредными веществами и авариями на общественном транспорте. Одним из факторов объяснения полученного результата являются данные о неудовлетворенности респондентов эффективностью контроля со стороны социальных субъектов, отвечающих за организацию и управление в ситуациях террористической активности [29]. Контент-анализ текстов блогеров о теракте в Домодедово в 2011 г. позволил получить данные о том, что террорист рассматривается как причина теракта, однако вина за теракт приписывается тем группам людей/организациям, которые стоят за ним, и тем организациям, которые не смогли воспрепятствовать его действиям [7]. А.Г. Караяни предлагает рассматривать терроризм с точки зрения психологической теории конфликта, в соответствии с которой он представляется деструктивной стратегией поведения в конфликте, реализуемой с использованием средств насилия [14]. Конфликтологическая парадигма рассматривает переживание ТУ как реакцию населения на конфликт власти и группы ущемленных граждан, когда методами взаимодействия являются насилие, смерть и масштабные разрушения. Мирное население в этом случае может рассматриваться как свидетели травматической ситуации.

Сообщения о ТУ рассматриваются нами как психологический стрессор, обладающий мощным негативным психологическим воздействием на тех людей, которые через СМИ становятся свидетелями трагических событий. По данным исследований, информационные сообщения о терактах оказывают психотравмирующее воздействие, которое проявляется в следующих клинико-психологических последствиях: признаки ПТСР, проигрывание в памяти услышанного и увиденного (флэшбэки), ночные кошмары, возникающие вспышки раздражительности или гнева, высокий уровень беспокойства, нарушения концентрации внимания, расстройство адаптации, депрессия, высокие оценки (переоценка) вероятности риска совершения теракта, возникновение интенсивного страха стать жертвой теракта, развитие различных форм

избегающего поведения, например сокращение пользования авиалиниями. Описаны также социально-психологические последствия терактов: виктимизация, школьная неуспеваемость, индигенные конфликты, стигматизация и дискриминация отдельных социальных групп, увеличение потребления психотропных средств: наркотиков, алкоголя и сигарет [10; 26].

По отношению к террористическим актам можно выделить две группы пострадавших. Непосредственные жертвы теракта, их близкие, специалисты служб, оказывающих помощь, — так называемые *прямые жертвы*. Именно они являются объектом большинства психологических исследований, высокая практическая значимость которых очевидна. Среди остального населения, наблюдавшего за происходящими событиями в СМИ, узнававшего о подробностях терактов через слухи, рассказы очевидцев и т.д., также можно выделить группу пострадавших — так называемых *косвенных жертв*. Их отличает высокая уязвимость к информации о террористических актах, вследствие получения которой у них возникает психопатологическая симптоматика, признаки посттравматического стресса разной степени выраженности, в отдельных случаях достигающая клинического уровня посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Для описания совокупности реакций косвенных жертв на информационные сообщения о террористических актах нами предложено понятие *переживание террористической угрозы* (ТУ), которое рассматривается как субъективная оценка риска стать жертвой теракта [6]. Была разработана трехкомпонентная модель переживания ТУ. Первым компонентом психологической структуры этого переживания является *когнитивный компонент*, т.е. репрезентация осознаваемого уровня реальности угрозы, ее вероятности и возможных последствий. Он проявляется в особенностях когнитивной переработки и осмысления информации о террористических действиях, а также содержит антиципирующие представления об угрозе и сопряженных с ней эмоциях. Второй компонент — *эмоциональный*: ситуация ТУ вызывает у населения эмоциональные реакции разной степени интенсивности (страх, ужас, подавленность, гнев, депрессия). Третий компонент — *поведенческий*: особенности поведения, которые субъективно оцениваются человеком как реакции на теракт. Спектр этих проявлений достаточно широк: от навязчивого поиска информации до участия в массовых акциях протеста.

Подобная структура переживания ТУ была выделена в исследовании Н.Б. Парфеновой. Выделя-

емые ею информационно-когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты оцениваются с помощью следующих шкал: “Субъективный образ ситуации террористической угрозы”, “Социальная защищенность”, “Ожидание изменений в социально-экономической и политической жизни страны”, “Переживание ожидаемой идеологической террористической угрозы”, “Ценностные ориентации”, “Доверие источникам информации”, “Факторы и условия участия в молодежном движении”, “Стратегии поведения в условиях социальных угроз”, “Уверенность в будущем” [19].

В настоящее время в отечественной психологической науке можно констатировать дефицит эмпирических исследований переживания ТУ, одной из причин которого может выступать относительная стабилизация эмоциональных реакций в ответ на эту угрозу. Согласно нашим данным, террористические акты прочно вошли в список основных угроз современности [4]. Кроме того, высказывается мнение о том, что люди привыкли, адаптировались к ТУ [11]. Поскольку часто научные исследования отражают запросы общества, то снижение количества исследований в данной области в последнее время может быть следствием снижения интенсивности переживаний, вызываемых угрозой терактов, в обществе.

ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

Одной из наиболее серьезных методологических трудностей при изучении переживания ТУ и его последствий остается вопрос о месте этого конструкта среди базовых категорий психологии. В частности, дискуссионным вопросом является включение ТУ в число травматических стрессоров, способных вызывать психопатологические реакции. Так, например, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) наиболее часто рассматривается исследователями как реакция в ответ на психотравмирующее событие. Однако в последней редакции диагностического и статистического справочника психических расстройств DSM–V в перечень событий, которые по критерию А феноменологически определяют симптомы ПТСР, не было включено воздействие через электронные СМИ и телевидение. Несмотря на это, в литературе представлены многочисленные исследования косвенных жертв терактов, т.е. тех людей, у которых возникли признаки ПТСР и другие психопат-

тологические симптомы под воздействием информационных сообщений о терактах [26].

Отмечается тенденция отсутствия единства в исследовании и анализе проблемы терроризма. Исследования терроризма проводятся в различных отраслях научного знания: юридическая психология, военная психология, психология правоохранительных органов, социальная психология, клиническая психология и т.д. Результаты исследований, полученные и оформленные в соответствии с теоретико-методологическими позициями авторов, трудно сопоставимы между собой и не позволяют создать на их основе единую согласованную модель ТУ.

Кроме того, относительно небольшое число исследований переживания ТУ может являться следствием проблемы недостатка адекватного методического инструментария для его изучения. Для изучения переживания личностью данной угрозы используются тесты свободных ассоциаций [27], метод незаконченных предложений [12; 20], метод семантического дифференциала [4; 30], контент-анализ текстов [7]. В некоторых работах делается попытка обобщить информацию по методическим возможностям исследования ТУ. Так, в работе И.В. Абакумовой с соавторами представлен перечень общеизвестных психологических методик, которые авторы считают целесообразным применять для изучения данной проблематики [1].

Комплексный подход к изучению конструкта переживания ТУ реализован в методике ОПТУ (Опросник переживания террористической угрозы). Разработанный и апробированный в Институте психологии РАН опросник имеет полную и краткую версии, состоящие из 50 и 21 утверждения, соответственно [6]. Пункты опросника направлены на изучение когнитивных представлений о существующей угрозе, эмоциональных реакций в связи с ней и поведенческих особенностей, возникших в связи с переживанием угрозы терактов.

Опросник позволяет получить четыре показателя: индексы по трем шкалам (антиципация, устойчивость к ТУ, признаки посттравматического стресса) и общий индекс переживания ТУ. Шкала “Антиципация” включает в себя утверждения, которые относятся к поведению человека по предвосхищению террористических актов в ежедневной жизни и эмоциям, связанным с оценкой этой угрозы. Шкала “Устойчивость к террористической угрозе” позволяет получить данные самоотчета респондента о том, насколько тема угрозы террористических актов стрессогенна для человека. Ответ на утверждения данной шкалы дают оценки жизнестойкости человека в условиях ТУ. Оценки

по шкале “Признаки посттравматического стресса” описывают реакции и эмоции респондентов в ответ на потенциальную угрозу террористических актов: страх и нежелание выходить из дома, воспоминания о терактах при громких и неожиданных звуках, повышенная настороженность, обращение к религии, нарушения сна, избегание напоминаний о произошедших терактах, рост напряженности и агрессивности, ощущение сокращения жизненной перспективы и пр. Кроме трех оценок по описанным шкалам в методике рассчитывается общий индекс переживания ТУ — индикатор интенсивности субъективного переживания ТУ.

Опросник позволил получить эмпирическое подтверждение тезиса о том, что ТУ является травматическим стрессором, способным привести к формированию признаков посттравматического стресса [26].

Дальнейшее направление исследований связано с изучением переживания ТУ в различных профессиональных, региональных, половых и возрастных группах [12; 16; 20; 22], результаты которых будут рассмотрены ниже.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

Изучение региональных различий в переживании ТУ позволило оценить фактор близости проживания к местам совершения террористических актов (Москва, Чеченская Республика, Забайкалье). Сравнительный анализ данных по трем регионам показал, что респонденты Чечни по сравнению с группами Забайкалья и Москвы более интенсивно переживают ТУ [26]. Далее по степени интенсивности переживания следуют жители Забайкалья, и наименьший уровень переживания данной угрозы отмечается у москвичей. Жители Чеченской Республики в большей степени подвержены травматическому воздействию террористических актов, поскольку наряду с тем, что они не только наблюдают за происходящими терактами по телевидению, но и часто являются непосредственными свидетелями событий. Москва — это мегаполис, отличающийся интенсивным течением жизни и многообразием стрессовых воздействий. Полученный результат о более низком переживании ТУ у жителей Москвы согласуется с данными литературы о высокой адаптивности к информационному воздействию терактов жителей крупных городов [11; 33]. Восприимчивость жителей Забайкалья, возможно, связана с интенсивным переживанием по-

вседневного стресса, обусловленного спецификой социального уклада жизни (отсутствие экзистенциальной уверенности в будущем, низкий уровень жизни и условий существования).

В ряде исследований были изучены **социально-демографические характеристики** переживания угрозы терактов. Было показано, что индекс переживания ТУ выше у женщин [5; 13]. В исследовании В.В. Знакова и Е.М. Турок получены данные о том, что у женщин и молодых испытуемых индексы переживания ТУ выше, чем у мужчин и взрослых (на материале респондентов Смоленска, Саранска) [12]. Попытки уточнения факторов, сопряженных с переживанием ТУ, были предприняты в ряде исследований, фокусирующихся прежде всего на различных **характеристиках личности**.

Высокие оценки переживания ТУ сопряжены с нарушением целеполагания, снижением способности управлять своим функциональным состоянием, снижением стремления заниматься творчеством и оказывать помощь окружающим людям [16]. Важными факторами совладания с переживанием информационной угрозы террористического акта выступают способность к целенаправленной деятельности в стрессовых ситуациях, стремление оказывать помощь ближнему, ориентация на развитие интеллектуального и творческого потенциала.

В.В. Знаковым и Е.М. Турок показано, что предикторами общего индекса переживания ТУ являются личностная тревожность, макиавеллизм и способность контролировать ситуацию [12].

В исследовании Н.Н. Казымовой были рассмотрены компоненты психологического благополучия и особенности жизненной перспективы в качестве факторов личностной устойчивости к переживанию ТУ. Показано, что высокий уровень психологического благополучия выступает в качестве показателя наличия внутренних ресурсов, способствующих эффективному совладанию с ТУ. Выделена специфика содержания жизненной перспективы при высоком уровне переживания ТУ: повышенная тревога за близких у женщин и за собственное состояние у мужчин [13].

Исследование переживания ТУ в **профессиональных группах** [22] показало, что педагоги имеют более высокие оценки переживания ТУ по сравнению с сотрудниками полиции и коммерческого банка. Кроме того, женщины с большей интенсивностью переживают ТУ, чем мужчины. Однако внутри профессиональных групп эта тенденция проявилась не так однозначно: группа сотрудниц полиции показала менее высокие значения переживания ТУ,

чем группа мужчин-сотрудников. Также была выявлена положительная связь интенсивности переживания ТУ с такими типами этнической идентичности, как гипо- и гиперидентичность.

Важным вопросом в изучении переживания ТУ является вопрос о временной изменчивости данного конструкта. С одной стороны, можно предположить, что интенсивность переживания ТУ сопряжена с актуальной террористической ситуацией в регионе проживания. Существующие данные подтверждают, что после свершения крупных единичных терактов спустя некоторое время интенсивность переживаемых последствий снижается. Однако поскольку ТУ прочно заняла место одной из важнейших угроз безопасности и сообщения о террористической активности появляются в СМИ каждую неделю, то, по-видимому, в обществе должна наблюдаться адаптация к сообщениям о подобных событиях.

В исследовании О.О. Поляковой студентов из Саранска просили оценить переживание ТУ до и через несколько недель после теракта (взрыв поезда “Невский экспресс” 27 ноября 2009 г.). Показано, что после теракта у респондентов, не имеющих личных знакомых, пострадавших в данном ТА, происходит повышение общего индекса переживания ТУ и уровня предвосхищения новых терактов, возрастает показатель признаков посттравматического стресса. При этом теракт не повлиял на базисные установки личности, но снизились показатели уверенности в способности контролировать ситуацию [20]. Повышение уровня переживания ТУ в ответ на освещение теракта в СМИ является нормальной реакцией на угрожающую ситуацию. Поскольку опрос респондентов повторно проходил через две недели после совершенного теракта, то можно говорить об остром периоде в переживании ТУ, когда у части населения интенсифицируются процессы, связанные с ощущением своей уязвимости, невозможности контролировать угрозу, страх смерти и пр.

Иные результаты были получены в нашем исследовании, включающем тестирование респондентов до и после сообщений о теракте в СМИ. Между первым и вторым тестированиями произошли два трагических события: убийство российского посла Андрея Карлова в Турции (19 декабря 2016 г.), квалифицируемое в официальных информационных источниках как теракт, и крушение российского самолета ТУ-154 под Сочи (25 декабря 2016 г.), в числе версий о причинах которого также первоначально рассматривали теракт. Получены данные о том, что общая интенсивность переживания угрозы терактов, как и отдельные показатели

ОПТУ, не различаются при сравнении данных до и после произошедших событий. Интенсивность переживания ТУ по данным повторного опроса остается на том же уровне, что и при первом опросе. Также не изменилась частота обсуждения темы террористических актов [5]. Однако при интерпретации результатов важно учитывать и тип произошедшего события: эти события не соответствуют социальному стереотипу понятия “теракт” [27] и, возможно, поэтому не вызывают переживаний, связанных с осознанием личной уязвимости.

Динамика переживания ТУ исследовалась с использованием опросника переживания террористической угрозы (ОПТУ-50) в период 2005–2017 гг. Были проанализированы данные исследований, проводимых на респондентах Москвы и Московской области в течение 12 лет: в 2005, 2009/2010, 2016/2017 гг. Изменения в переживании ТУ женщинами проявляются в снижении антиципирующего восприятия новых терактов и интенсивности признаков посттравматического стресса, при этом восприимчивость женщин к информации о терактах не изменяется со временем. Мужчины уже к 2009/2010 гг. смогли выйти на некоторый оптимальный уровень переживания ТУ, позволяющий им не терять бдительность и в то же время не испытывать негативных стрессовых симптомов в связи с возможной ТУ [3].

Отдельным направлением исследований стало изучение отношения к информации о ТУ. Показано, что респонденты, проявляющие интерес к новостям о терроризме, в большей степени прогнозируют совершение новых терактов и более интенсивно переживают ТУ в целом. В отличие от них респонденты, которые не хотят узнавать плохие новости, обнаружили в нашем исследовании более низкие показатели по ОПТУ. Такой сознательный отказ от тревожащих известий является проявлением защитной психологической стратегии дистанцирования от данной тематики как источника стресса. Напротив, в группе респондентов, которые никогда не переключают новости о терактах, тревожные переживания и напряжение выступают стимулом к активному поиску информации, позволяющему обрести чувство контроля над ситуацией. Получены данные о том, что выраженность интереса к теме терактов не связана со стремлением к обсуждению этой проблемы. Таким образом, на фоне интереса к данной тематике проявляется избегание этой проблемы в разговорах. Выявленный диссонанс может свидетельствовать о восприятии темы терактов как стрессора высокой интенсивности, который требует усилий по отслеживанию и контролю со стороны мирных жителей [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Информационные сообщения о терактах рассматриваются нами как стрессоры высокой интенсивности, актуализирующие переживание угрозы безопасности жизни. Психологически данное переживание определяется по возникающим чувствам страха, ужаса и беспомощности.

В работе ключевым понятием является переживание ТУ, под которым мы понимаем субъективную оценку риска стать жертвой теракта. Оценка существующей угрозы находит отражение в мыслях, чувствах и поведении. Для уязвимой части населения переживание ТУ приобретает особую интенсивность, приводя к развитию у них различной психопатологической симптоматики. В настоящее время в изучении переживания ТУ можно наблюдать тенденцию, заключающуюся в смещении исследовательского фокуса от факторов уязвимости (высокая личностная тревожность, эмоциональная неустойчивость, макиавеллизм, неспособность контролировать ситуацию и др.) к факторам психологической устойчивости. Обращение к таким интегративным личностным характеристиками, как психологическое благополучие, жизнеспособность и т.д., позволяет шире взглянуть на проблему преодоления последствий переживания стрессоров высокой интенсивности, в частности ТУ. Перспективной исследования является построение концептуальной модели устойчивости человека к переживанию ТУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абакумова И.В., Бабиянц К.А., Мануйлова О.В.* Методы и методики изучения особенностей отношения молодежи к проблеме терроризма // Сб. трудов конференции “Мир Кавказу” Антитеррористический фестиваль студенческой, научной и творческой молодежи, сборник в 2 томах / Под ред. П.Н. Ермакова. М.: Кредо, 2013. С. 27–39.
2. *Батуева Е.Б.* Социально-психологические факторы отношения к терроризму // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. С. 399–426.
3. *Быховец Ю.В., Казымова Н.Н.* Временная динамика переживания террористической угрозы // Исследования и разработки в перспективных научных областях: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. 2017. С. 19–25.
4. *Быховец Ю.В., Казымова Н.Н.* ИмPLICITные представления и психологические профили угрожающих жизни ситуаций // Вестник Костромского государ-

- ственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 4. С. 58–63.
5. *Быховец Ю.В., Казымова Н.Н.* Связь интенсивности переживания террористической угрозы с отношением к новостным сообщениям о терактах // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017. С. 1402–1409.
  6. *Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В.* Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
  7. *Гаврилов К.А., Толмач А.Д.* Кто виноват: контент-анализ блогов о теракте в “Домодедово” // *Социологические исследования*. 2014. № 12 (368). С. 81–88.
  8. *Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И., Габдулина Л.И.* Содержание и структура психологических моделей личности террориста в представлении городской учащейся молодежи // *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*. 2013. № 10. С. 121–129.
  9. *Жаворонкова Т.В.* Социальные представления о терроризме в современном российском обществе: анализ социально-психологических исследований // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2015. № 55. С. 64–71.
  10. *Ениколопов С.Н., Мкртчян А.А.* Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования // *Национальный психологический журнал*. 2011. № 1 (5). С. 19–23.
  11. *Зинченко Ю.П., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.* Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков // *Национальный психологический журнал*. 2011. № 2 (6). С. 98–111.
  12. *Знаков В.В., Турок Е.М.* Понимание и переживание террористической угрозы // *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*. 2010. № 1. С. 58–69.
  13. *Казымова Н.Н.* Факторы риска и ресурсы устойчивости к переживанию террористической угрозы // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2017. № 12. С. 102–109.
  14. *Караяни А.Г.* О роли психологии в профилактике терроризма // *Национальный психологический журнал*. 2010. № 2. С. 37–40.
  15. *Константинов В.В., Бузыкина Ю.С.* Переживание экстремистско-террористической угрозы и социально-психологические характеристики личности // *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. № 3. С. 25–38.
  16. *Котенева А.В.* Взаимосвязь переживания террористической угрозы и психологического здоровья у студентов // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2017. № 7. С. 153–160.
  17. *Лебедева И.Н.* Психология личности террориста // *Законность и правопорядок в современном обществе*. 2012. № 9. С. 123–128.
  18. *Муращенкова Н.В.* Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2012. № 12. С. 10.
  19. *Парфенова Н.Б.* Теоретико-методологическое обоснование исследования социально-психологической безопасности молодежи в условиях ожидаемой угрозы террористических проявлений // *Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки*. 2014. № 4. С. 139–148.
  20. *Полякова О.О.* Переживание и понимание молодежью Саранска террористической угрозы // *Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования*. 2011. № 1. С. 82–89.
  21. *Рузаева Н.И., Галочкина А.С.* Психология современного терроризма // *Юность. Наука. Культура: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)*. 2016. С. 76–77.
  22. *Середина Н.В., Даниленко Е.В., Черныш Е.В.* Психологическая оценка переживания террористической угрозы // *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2011. Т. 9. № 2. С. 63–66.
  23. *Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шляпников В.Н.* Психологические последствия террористического акта: опыт Беслана // *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. № 6. С. 15–25.
  24. *Соснин В.А.* Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
  25. *Султанова И.В.* Психологические характеристики личности террористов // *Экономика и социум*. 2016. № 11–12 (30). С. 430–437.
  26. *Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В.* Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014.
  27. *Тарабрина Н.В., Ворона О.А., Быховец Ю.В.* Представления о теракте у населения различных регионов России // *Психологический журнал*. 2007. Т. 28. № 6. С. 40–50.
  28. *Ташева А.И.* Анализ представлений о психологических проблемах жертв теракта в Беслане // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Психология*. 2009. Т. 3. № 1. С. 91–102.
  29. *Толмач А.Д.* Феномен терроризма в массовом сознании // *Социологические исследования*. 2009. № 4. С. 82–88.
  30. *Фоломеева А.В.* Социальные представления молодежи о терроризме и террористах // *Психологические исследования*. 2014. Т. 7. № 33. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.04.2018).

31. Чернов А.Ю., Буланов И.С. Психологическое объяснение мотивации религиозного суицидального терроризма // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2013. № 2. С. 115–120.
32. Щепланова В.В. Современный терроризм в глобализации социальных рисков: структуралистско-конструктивистский контекст: Автореф. дисс. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2010.
33. Wessely S. Victimhood and Resilience // New England Journal of Medicine. 2005. V. 353. P. 548–550.

MODERN DOMESTIC RESEARCHES OF PSYCHOLOGICAL FACTORS OF TERRORIST THREAT EXPERIENCE

Yu. V. Bykhovets*, N. N. Kazymova**

*Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS;
129366, Moscow, Yaroslavskaia str., 13, Russia.*

*PhD (psychology), senior research fellow, laboratory of psychology of human development in normal and post traumatic states. E-mail: bykhovets@yandex.ru

**PhD (psychology), junior research fellow, laboratory of psychology of human development in normal and post traumatic states. E-mail: bakusevan@mail.ru

Received 17.04.2018

Abstract. The review of empiric research in which experiencing of terrorist threat has been studied is presented in the article. Based on the results correlation between terrorist threat experience and socio-demographic (gender, age, region of residence, professional status) and person's individual peculiarities has been revealed. Conception of terrorist threat experience which is elaborating in laboratory of psychology of human development in normal and post traumatic states of PI of RAS is described. Thesis that terrorist threat should be considered as a traumatic stressor for vulnerable part of population is grounded. Temporal dynamics of terrorist threat experience has been revealed. Tendency of shifting reference points from vulnerability study to study of man's resilience to the stressor has been marked.

Keywords: experience, terrorist threat, influence of information, posttraumatic stress, stressor, mass media.

REFERENCES

1. Abakumova I.V., Babijanc K.A., Manujlova O.V. Metody i metodiki izucheniia osobennostej otnosheniia molodezhi k probleme terrorizma // Sb. trudov konferencii "Mir Kavkazu" Antiterroristicheskij festival' studentcheskoj, nauchnoj i tvorcheskoj molodjozhi, sbornik v 2 tomah / Ed. P.N. Ermakov. Moscow: Kredo, 2013. P. 27–39. (in Russian)
2. Batueva E.B. Social'no-psihologicheskie faktory otnosheniia k terrorizmu // Problemy psihologicheskoi bezopasnosti / Eds. A.L. Zhuravlev, N.V. Tarabrina. M.: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2012. S. 399–426. (in Russian)
3. Byhovec Ju.V., Kazymova N.N. Vremennaja dinamika perezhivaniia terroristicheskoi ugrozy // Issledovaniia i razrabotki v perspektivnykh nauchnykh oblastjakh. Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii / Pod obshhej redakciej S.S. Chernova. 2017. P. 19–25. (in Russian)
4. Byhovec Ju.V., Kazymova N.N. Implicitnye predstavleniia i psihologicheskie profili ugrozhajushchih zhizni situacij // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2016. V. 22. № 4. P. 58–63. (in Russian)
5. Byhovec Ju.V., Kazymova N.N. Svjaz' intensivnosti perezhivaniia terroristicheskoi ugrozy s otnosheniem k novostnym soobshhenijam o teraktah // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia sovremennoj psihologii. Rezul'taty i perspektivy razvitiia / Eds. A.L. Zhuravljov, V.A. Kol'cova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2017. P. 1402–1409. (in Russian)
6. Byhovec Ju.V., Tarabrina N.V. Psihologicheskaja ocenka perezhivaniia terroristicheskoi ugrozy: Rukovodstvo. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. (in Russian)
7. Gavrilov K.A., Tolmach A.D. Kto vinovat: kontent-analiz blogov o terakte v "Domodedovo" // Sociologicheskie issledovaniia. 2014. № 12 (368). P. 81–88. (in Russian)
8. Džhaner'jan S.T., Gvozdeva D.I., Gabdulina L.I. Soderžanie i struktura psihologicheskikh modelej lichnosti terrorista v predstavlenii gorodskoj uchashhejsja molodezhi // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. 2013. № 10. P. 121–129. (in Russian)

9. Zhavoronkova T.V. Social'nye predstavlenija o terrorizme v sovremennom rossijskom obshhestve: analiz social'no-psihologicheskikh issledovanij // Lichnost', sem'ja i obshhestvo: voprosy pedagogiki i psihologii. 2015. № 55. P. 64–71. (in Russian)
10. Enikolopov S.N., Mkrтчjan A.A. Psihologicheskie posledstvija terrorizma i rol' SMI v processe ih formirovanija // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2011. № 1 (5). P. 19–23. (in Russian)
11. Zinchenko Ju.P., Soldatova G.U., Shajgerova L.A. Terroristicheskij akt kak jekstremal'naja situacija v obshhestve riskov // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2011. № 2 (6). P. 98–111. (in Russian)
12. Znakov V.V., Turok E.M. Ponimanie i perezhivanie terroristicheskoy ugrozy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija. 2010. № 1. P. 58–69. (in Russian)
13. Kazymova N.N. Faktory riska i resursy ustojchivosti k perezhivaniju terroristicheskoy ugrozy // Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika. 2017. № 12. P. 102–109. (in Russian)
14. Karajani A.G. O roli psihologii v profilaktike terrorizma // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2010. № 2. P. 37–40. (in Russian)
15. Konstantinov V.V., Buzykina Ju.S. Perezhivanie jekstremistsko-terroristicheskoy ugrozy i social'no-psihologicheskie karakteristiki lichnosti // Psikhologicheskii zhurnal. 2016. Moscow. 37. № 3. P. 25–38. (in Russian)
16. Koteneva A.V. Vzaimosvjaz' perezhivanija terroristicheskoy ugrozy i psihologicheskogo zdorov'ja u studentov // Lichnost' v jekstremal'nyh uslovijah i krizisnyh situacijah zhiznedejatel'nosti. 2017. № 7. P. 153–160. (in Russian)
17. Lebedeva I.N. Psihologija lichnosti terrorista // Zakonnost' i pravoporjadok v sovremennom obshhestve. 2012. № 9. P. 123–128. (in Russian)
18. Murashhenkova N.V. Struktura social'nyh predstavlenij molodezhi ob jekstremizme i patriotizme // Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurn.). 2012. № 12. P. 10. (in Russian)
19. Parfenova N.B. Teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie issledovanija social'no-psihologicheskoy bezopasnosti molodezhi v uslovijah ozhidaemoj ugrozy terroristicheskikh projavlenij // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogicheskie nauki. 2014. № 4. P. 139–148. (in Russian)
20. Poljakova O.O. Perezhivanie i ponimanie molodezh'ju Saranska terroristicheskoy ugrozy // Gumanitarij: aktual'nye problemy nauki i obrazovanija. 2011. № 1. P. 82–89. (in Russian)
21. Ruzaeva N.I., Galochkina A.S. Psihologija sovremenno-go terrorizma // Junost'. Nauka. Kul'tura. Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sredne-Volzhskij institut (filial) VGUJu (RPA Minjusta Rossii). 2016. P. 76–77. (in Russian)
22. Seredina N.V., Danilenko E.V., Chernysh E.V. Psihologicheskaja ocenka perezhivanija terroristicheskoy ugrozy // Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik. 2011. V. 9. № 2. P. 63–66. (in Russian)
23. Soldatova G.U., Shajgerova L.A., Shljapnikov V.N. Psihologicheskie posledstvija terroristicheskogo akta: opyt Beslana // Psikhologicheskii zhurnal. 2008. V. 29. № 6. P. 15–25. (in Russian)
24. Sosnin V.A. Psihologija terrorizma i protivodejstvie emu v sovremennom mire. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (in Russian)
25. Sultanova I.V. Psihologicheskie karakteristiki lichnosti terroristov // Jekonomika i socium. 2016. № 11–12 (30). P. 430–437. (in Russian)
26. Tarabrina N.V., Byhovec Ju.V. Terroristicheskaja ugroza: teoretiko-jempiricheskoe issledovanie. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2014. (in Russian)
27. Tarabrina N.V., Vorona O.A., Byhovec Ju.V. Predstavlenija o terakte u naselenija razlichnyh regionov Rossii // Psikhologicheskii zhurnal. 2007. V. 28. № 6. P. 40–50. (in Russian)
28. Tashheva A.I. Analiz predstavlenij o psihologicheskikh problemah zhertv terakta v Beslane // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Psihologija. 2009. V. 3. № 1. P. 91–102. (in Russian)
29. Tolmach A.D. Fenomen terrorizma v massovom soznanii // Sociologicheskie issledovanija. 2009. № 4. P. 82–88. (in Russian)
30. Folomeeva A.V. Social'nye predstavlenija molodezhi o terrorizme i terroristah // Psihologicheskie issledovanija. 2014. V. 7. № 33. P. 8. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija: 11.04.2018). (in Russian)
31. Chernov A.Ju., Bulanov I.S. Psihologicheskoe objasnenie motivacii religioznogo suicidal'nogo terrorizma // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 7: Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii. 2013. № 2. P. 115–120. (in Russian)
32. Shheblanova V.V. Sovremennij terrorizm v globalizacii social'nyh riskov: strukturalistsko-konstruktivistkij kontekst: Avtoref. diss. ... doktora sociologicheskikh nauk. Saratov, 2010. (in Russian)
33. Wessely S. Victimhood and Resilience // New England Journal of Medicine. 2005. V. 353. P. 548–550.